

РОЛЬ РОДНОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ПАМЯТНЫХ СВЯЗЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ)

Олимов Максаджон Муроджон угли,

Преподаватель кафедры “Методика преподавания языков” центра

педагогического мастерства Ферганской области

тел: +99891 111 85 58, e-mail: olimov2308@gmail.com

Аннотация: В статье исследуется влияние родного узбекского языка на формирование ассоциативных связей и память при изучении русского как иностранного (РКИ) школьниками. На основе обзора психолингвистической и методической литературы и анализа примеров выявляются механизмы межъязыковых ассоциаций на лексическом и грамматическом уровнях. Приводятся примеры совпадений слов и структур, ложных друзей перевода и синтаксических переносов. Рассматриваются положительные аспекты (облегчение усвоения нового материала через аналогии с родным языком, запоминание за счет схожих элементов) и риски (интерференция, ошибки из-за ложных аналогий, структурные расхождения). Полученные результаты подкрепляются цитатами из современных исследований по РКИ и психолингвистике.

Ключевые слова: родной язык; узбекский язык; РКИ; ассоциативные связи; память; межъязыковые ассоциации; интерференция; ложные друзья перевода; лексический перенос; грамматический перенос.

Abstract: This article examines how Uzbek-speaking schoolchildren use their native Uzbek language to form memory associations when learning Russian as a foreign language. Drawing on psycholinguistic and instructional research, we analyze cross-linguistic associative mechanisms at the lexical and grammatical levels, with examples of cognate coincidences, false friends, and syntactic transfers. The study highlights both positive aspects (facilitated memorization of new Russian

vocabulary and structures via analogies to Uzbek) and potential risks (interference errors arising from false analogies and structural mismatches). Empirical findings and illustrative examples – including typical learner errors and vocabulary parallels – support the analysis.

Keywords: native language; Uzbek language; Russian as a Foreign Language (RFL); associative links; memory; cross-linguistic associations; interference; false friends; lexical transfer; grammatical transfer.

Введение

В условиях многоязычия родной язык учащихся неизбежно влияет на процесс изучения иностранного [1][3]. По мнению классиков лингводидактики, полностью исключить родной язык из уроков невозможно и неправильно: новому слову или конструкции школьники зачастую придают смысл только после соотнесения с эквивалентом в знакомом языковом аппарате [1][3]. В то же время чрезмерная опора на аналогии может приводить к ошибкам интерференции. Таким образом, родной язык выступает двойным фактором: с одной стороны, он **содействует** запоминанию и усвоению через познание уже знакомых элементов, с другой – может стать источником **помех** из-за ложных совпадений и структурных расхождений.

Для узбекоязычных школьников это особенно актуально ввиду типологических отличий русского и узбекского языков. Узбекский язык не имеет падежной системы и согласований родов, обладает порядком слов SOV, тогда как русский – с падежами и свободным порядком (в основном SVO). Несмотря на эти различия, русский словарь усвоен в Узбекистане, многие общеупотребительные русские слова совпадают либо похожи с узбекскими (заимствования; «аудитор» – auditor, «молекула» – molekula и т.д.), тогда как другие могут сбивать с толку (например, узб. boy «богач» vs рус. бой «битва»; nam «сырость» vs рус. нам «нам»). Эта лексическая близость создает удобные **мнемонические связи**, но одновременно порождает «ложных друзей переводчика» [4][5].

Настоящее исследование целенаправленно фокусируется на следующем: как родной узбекский язык участвует в формировании ассоциативных (памятных) связей у школьников при изучении РКИ; какие примеры межъязыковых совпадений и переноса наблюдаются на уровнях лексики и грамматики; каковы преимущества такого переноса (быстрое запоминание, использование аналогий) и какие риски он несет (интерференция, ошибки вследствие ложных аналогий). В отсутствие экспериментальных данных мы используем **качественный обзор литературы** и иллюстративные примеры ошибок учащихся из методических публикаций, иллюстрирующих описываемые явления.

Методология

Методологической основой работы является анализ совокупности научных источников по психолингвистике и методике РКИ, а также **сопоставительный разбор примеров** из билингвальной практики. В частности, мы обобщили данные публикаций о двуязычных учащихся и феномене интерференции^{[1][6]}, а также изучили описания «межъязыковых ассоциаций» и «ложных друзей» в русско-узбекском языковом контакте^{[4][5]}. Приводятся прямые цитаты из современных статей по РКИ (авторы — отечественные методисты и психолингвисты), что соответствует **качественной лингвистике**; примеры ошибок и совпадений иллюстрируют, каким образом учащиеся соотносят слова обоих языков.

Также учитывались позиции исторических и современных авторов по роли родного языка в обучении: например, выводы Л. Щербы о невозможности «выгнать» L1 из сознания учащихся^{[1][3]} и наблюдения Г. Роговой о том, что «ребенок... вначале связывает слово иностранного языка со словом родного языка»^[2]. Эти концепции помогают интерпретировать обнаруженные нами «памятные» связи как естественный процесс кодового переключения. Сопоставление систем русского и узбекского языков — традиционный методический подход — позволило выявить типичные переносы (перенос

падежных значений, синтаксиса и т.д.) и «жуков» (ложные совпадения). В целом, работа выполнена в формате теоретического анализа с привлечением практических примеров, без сбора эмпирических численных данных.

Результаты

В результате анализа литературы и примеров мы выделили два блока феноменов: **(1) положительные ассоциации** (мнемонические связи) и **(2) интерференция и ложные соответствия**.

- **Положительные ассоциации:** Обнаружено множество случаев, когда знание узбекского помогает ученикам быстрее запомнить русские слова и грамматические конструкции. Это происходит либо благодаря **полным совпадениям** (заимствованные термины и совпадающие корни), либо благодаря понятным аналогиям. Например, одинаковые «косвенные» заимствования: аудитор (рус.) – auditor (узб.), молекула – molekula[5]. Такие совпадения служат «сигнальными маяками» – при встрече слова аудитор ученик сразу узнаёт его значение по узбекскому эквиваленту. Более общие случаи – использование перевода или транскрипта, когда новое русское слово ученик связывает с этим же словом на узбекском. Кроме того, существуют **универсальные когнитивные механизмы** (категории, образные модели), через которые учащиеся могут ассоциировать грамматические формы: например, узбекские говорящие сразу замечают сходство образования прошедшего времени с суффиксом *-ган* в обоих языках и тем самым запоминают русский *Past Simple*.

Аналогичным образом работают и структурные совпадения: например, хотя падежной системы в узбекском нет, есть послелоги (их функционирование близко к русским предлогам). Упражнения, показывающие параллели «падежные эквиваленты» (например, *комната тоза* переводится на русский как «в комнате чисто», см. примеру далее) помогают устанавливать ассоциативную связь между конструкциями[6]. Таким образом, родной язык

выступает «опорой», ускоряя семантизацию новых лексических единиц и грамматических форм.

• **Негативная интерференция:** Вместе с тем выявлены многочисленные ошибки, обусловленные переносом особенностей узбекского на русский. Прежде всего, это грамматическая интерференция. Так, нарушается порядок слов: узбек является типичным SOV-языком («Подлежащее-Дополнение-Сказуемое»), поэтому узбекоязычные ученики склонны ставить сказуемое в конец русских фраз. В исследованиях описаны примеры типа «Men yozdim kitob» («Я написал книгу»), что является калькой с узбекского порядка[7]. Учащиеся говорят «Я с братом в гости пошли», «Я уже здесь три года учусь» (сказуемое в конце), в то время как в русском языке нормальный порядок – субъект перед глаголом. Подобные синтаксические переносы препятствуют формированию правильной структуры предложения на новом языке.

Морфологическая интерференция – ещё одно общее явление. Примеры включают смешение падежных форм и отсутствие согласований. Например, узбекоязычные школьники могут ошибочно сказать «Летний каникулы» (вместо «Летние каникулы»), «Мы живем в двухкомнатном квартире», «Два комнаты», «Мне нравится это игра»[6]. Эти ошибки объясняются тем, что узбекскому языку чужды род, число и падеж в том виде, как они есть в русском. Аналогично, перевод сочетаний типа «в комнате» приводит к ошибочному «Хона тоза», тогда как корректно «Хонада тоза» (узб. «в комнате чисто»)[6]. В целом, несогласованность грамматики служит источником ошибок в употреблении окончаний и служебных слов.

Лексическая интерференция выражается в ложных друзьях переводчика – словах, похожих по форме, но разничающихся по смыслу. В русско-узбекском контакте известны случаи омонимичных совпадений: узб. boy означает «богач», а не рус. «бой» (сражение); uzb. nam – «сырость, влага», а не рус. «нам»; uzb. beda – «люцерна», а не рус. «беда, горе»[4]. Если ученик не

знает узбекского значения, он может запомнить слово неверно. Сходным образом некоторые узбекские топонимы и послелоги ложны по смыслу в русском. Эти «ложные ассоциации» ведут к грубым ошибкам перевода и понимания.

Таким образом, рассмотренные примеры демонстрируют двойственный эффект родного языка: наличие **похожих слов и структур** облегчает запоминание (положительная интерференция), тогда как несоответствия и «ловушки» переводчиков порождают **интерферентные ошибки**[\[4\]\[5\]](#).

Обсуждение

Полученные результаты согласуются с классическими и современными теориями обучения: в начале изучения языка дети неизбежно «переключаются» через L1[\[2\]](#). Более того, как отмечал Л. Щерба, полное исключение родного языка приводит к непродуктивному расходу времени, поскольку «полное понимание наступает тогда, когда учащиеся находят соответствующий эквивалент на родном языке»[\[3\]](#). На практике это означает, что преподаватель РКИ для узбекоязычных учащихся должен **организованно** использовать родной язык: например, посредством опоры на понятные аналоги, параллели грамматических категорий и совместного обсуждения «подводных камней» (false friends).

С другой стороны, важно **контролировать негативный перенос**. Прямой метод исключения L1 может показаться интуитивно правильным, но, как предупреждает та же Л. Щерба, он дает обратный эффект – учащиеся лишь тратят силы впустую и совершают больше ошибок[\[3\]](#). Для узбекских школьников целесообразно заранее разъяснить основные различия (например, в падежах и порядке слов) и отрабатывать их в специальных упражнениях. Это согласуется с концепцией «педагогической грамматики»: адаптированного материала, учитывающего трудности конкретной пары языков[\[2\]\[8\]](#).

Плюсами использования L1 является активизация уже «наученных» концептов и образов: психолингвисты подчеркивают, что ученики оперируют

«готовыми высказываниями» и понятиями из родной языковой системы при формулировании речи[9][2]. Эти ментальные группы облегчают запоминание связей между понятием и новым словом. Однако при этом нужно избегать автоматического переноса всех правил без анализа. Например, наличие в узбекском языке послелогов не означает, что в русском нельзя использовать предлоги – тут требуется осознанная «деконструкция» узбекского шаблона.

В целом, комбинация изученных данных показывает, что **опора на родной язык должна быть избирательной**. Полезными оказываются упражнения сравнительного характера: сопоставление предложений, перевод отдельных элементов, обсуждение совпадений и различий. Указанные в литературе игры тройного перевода и «глухой телефон» помогают учащимся заметить, что хотя языки отличаются, многие смыслы сохраняются через L1 (что развивает уверенность)[10]. Вместе с тем педагогу важно предупреждать ложные аналогии: систематически обсуждать ложные друзья (как в лексике, так и в грамматике) и показывать их ошибки (например, сигнальными карточками или контрастными таблицами).

Наконец, помимо языковых аспектов, удачная опора на родной язык поддерживает культурно-смысловые мосты. Некоторые авторы отмечают, что сравнение родной и иностранной культуры углубляет понимание языкового материала[11]. Для узбекских школьников преподаватель РКИ может использовать параллели пословиц, образные выражения и ситуации из узбекской жизни при введении русской лексики и конструкций (но делать это аккуратно, чтобы не допустить непоследовательных обобщений).

Выводы

Роль родного узбекского языка при изучении РКИ у школьников весьма значима и многогранна. С одной стороны, она облегчает формирование памятных связей: учащиеся активно пользуются сходством слов и конструкций, ассоциируя новое знание с тем, что они уже знают. Это ускоряет усвоение лексики и грамматики за счёт экономии когнитивных ресурсов. С

другой стороны, родной язык порождает интерференцию – количественные и качественные искажения русского языка в речи учеников. Перенос узбекских моделей синтаксиса, отсутствие грамматических категорий в узбекском приводят к характерным ошибкам (нарушение согласований, порядка слов, недоучитывание падежей)[\[6\]](#)[\[7\]](#).

Таким образом, опора на родной язык – палка о двух концах: **польза** заключается в облегчении запоминания и мотивации (через знакомые аналогии), а **риски** – в ошибках интерференции из-за ложных аналогий и структурных несовпадений[\[1\]](#)[\[4\]](#). Практический вывод для методики РКИ: использование ассоциаций с узбекским языком должно быть **организовано и осознанно**. Учитель должен поддерживать успешные переносы (например, указывая на «близкие родственники» слов и выражений) и одновременно устранять негативные эффекты (например, прославление истинного значения ложных друзей).

В перспективе дальнейшие исследования могут проверить, как именно опора на родной язык отражается в успеваемости узбекских школьников при освоении русского. Однако уже имеющиеся данные говорят о необходимости баланса: исключать L1 неэффективно, но и полагаться на него без контроля опасно. Своевременное формирование у учеников «конкретных ассоциативных мостиков» и развитие мета-языкового осознания (понимания того, что слова могут обманывать) помогут превратить родной язык из источника помех в надежный инструмент обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ястребова Л. Н. Преодоление психолингвистических барьеров на примере обучения видовременным формам глагола в английском и немецком языках // *Молодой ученый*. 2015. №12(92). С. 831–836.
2. Давыдова Ю. Г. Роль родного языка при освоении иностранного // *Ученые записки СПбГУТУЭ*. 2019. С. 31–39.

3. Болтаева М. Ш. Интерферирующее влияние узбекского языка при изучении русского // *Евразийский журнал общественных наук, философии и культуры*. 2025.
4. Щерба Л. В. *Преподавание иностранных языков в средней школе*. М., 1947.
5. Орлеан А.С., Шатилов С.Ф. *Методика обучения русскому языку как иностранному: современные подходы*. СПб.: Златоуст, 2005.
6. Пассов Е.И. *Основы коммуникативной методики обучения иностранному языку*. М.: Русский язык, 1989.
7. Nishonov, A., & Olimov, M. (2025). Methods of using digital platforms in Russian language lessons in comprehensive schools. *Engineering Problems and Innovations*, 3(2), 3-7. <http://epai.uz/index.php/journal/article/view/200>